

«СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ
И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ
САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ»
А.С. Пушкин (Текст в общественном достоянии. Источник:
ru.wikisource.org)

**«СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО
СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ
ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ
ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ»**

автор Александр Сергеевич Пушкин

Три девицы под окном Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, — То
на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит её сестрица, — То
на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, — Я
б для батюшки-царя Родила
богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела, И
в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора Он
стоял позадь забора; Речь
последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:

В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха, И
завидуют оне Государевой
жене.
А царица молодая, Дела
вдаль не отлагая, С
первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь, На
добра-коня садясь,

Ей наказывал себя Побережь,
его любя. Между тем, как он
далёко Бьётся долго и
жестоко, Наступает срок
родин; Сына бог им дал в
аршин, И царица над
ребёнком Как орлица над
орлёнком; Шлёт с письмом
она гонца, Чтоб обрадовать
отца.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести её хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь Не
то сына, не то дочь; Не
мышонка, не лягушку, А
неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец, Что
донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить И
гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царёва возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобратить его велят; Допьяна
гонца поят
И в суму его пустую Суют
грамоту другую — И
привёз гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре, Потужив
о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян — Так
велел-де царь Салтан.

В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет. Словно

горькая вдовица, Плачет,
бьётся в ней царица; И растёт
ребёнок там
Не по дням, а по часам.
День прошёл, царица вóпит... А
дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна! Ты
гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»

И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет? Бог
неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко Нам
проделать?» — молвил он, Вышиб
дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом. Сын
подумал: добрый ужин Был бы
нам, однако, нужен. Ломит он
у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил И
пошёл на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на́ море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьётся лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет, Воду
вкруг мутит и хлещет... Тот уж
когти распустил,
Клёв кровавый наострил... Но
как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил; Смотрит:
коршун в море тонет И не
птичьим криком стонет, Лебедь
около плышет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьёт крылом и в море топит — И
царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель, Мой
могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.

Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил; Ты
не коршуна убил, Чародея
подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду, А
теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица, А
царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились на тощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грёзы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей И
святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя». Мать
и сын идут ко граду. Лишь
ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит; В
колымагах золотых Пышный
двор встречает их; Все их
громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой; И
среди своей столицы,

С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он И
нарёкся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся, На
кораблике толпятся, На
знакомом острове Чудо
видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят, Кораблю
пристать велят.
Пристают к заставе гости; Князь
Гвидон зовёт их в гости, Их он
кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте И
куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток, Мимо
острова Буяна,

В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа, По
морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон С
берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что
ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чём горе! Ну,
послушай: хочешь в море Полететь
за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала И
обрызгала его
С головы до ног всего.

Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал, Судно
на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит Мимо
острова Буяна,
К царству славного Салтана, И
желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости; Царь
Салтан зовёт их в гости, И за
ними во дворец
Полетел наш удалец. Видит:
весь сияя в злате, Царь
Салтан сидит в палате

На престоле и в венце
С грустной думой на лице; А
ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа, Долго
ль ездили? куда? Ладно ль за
морем, иль худо? И какое в
свете чудо?» Корабельщики в
ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо, В
свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый; А
теперь стоит на нем Новый
город со дворцом,
С златоглавыми церквами, С
теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду; Молвит
он: «Коль жив я буду, Чудный
остров навещу,

У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить Чудный
остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт, А
орешки не простые,
Всё скорлупки золотые, Ядра
— чистый изумруд; Вот что
чудом-то зовут». Чуду царь
Салтан дивится, А комар-то
злится, злится — И впился
комар как раз Тетке прямо в
правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра С
криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова
князь у
моря
ходит,
С синя
моря глаз
не сводит;
Глядь —
поверх
текучих
вод
Лебедь
белая
плывёт.
«Здравст
вуй, князь

ты

мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесь
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —

Белка песенки поёт, Да
орешки всё грызёт, А
орешки не простые,
Всё скорлупки золотые, Ядра
— чистый изумруд; Но, быть
может, люди врут». Князю
лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает; Это
чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя, Не
печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу». С
ободрённою душой Князь
пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под ёлкою высокой, Видит,
белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладёт
И с присвисточкой поёт
При честном при всём народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом

Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счёт орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет И
кораблик подгоняет; Он
бежит себе в волнах На
поднятых парусах Мимо
острова крутого, Мимо
города большого: Пушки с
пристани палят, Кораблю
пристать велят.
Пристают к заставе гости; Князь
Гвидон зовёт их в гости, Их и
кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте И
куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями, Всё
донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок — И
лежит нам путь далёк: Мимо
острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:

«Добрый путь вам, господа, По
морю по Окияну
К славному царю Салтану; Да
скажите: князь Гвидон Шлёт
царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились. К
морю князь — а лебедь там Уж
гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит, Так
и тянет и уносит...
Вот опять она его Вмиг
обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит Мимо
острова Буяна,
В царство славного Салтана — И
желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости; Царь
Салтан зовёт их в гости, И за
ними во дворец
Полетел наш удалец.

Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате На
престоле и в венце,
С грустной думой на лице. А
ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят, Злыми
жабами глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа, Долго
ль ездили? куда? Ладно ль за
морем, иль худо, И какое в
свете чудо?» Корабельщики в
ответ:

«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо; В
свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,

Град на острове стоит
С златоглавыми церквами, С
теремами да садами; Ель
растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт, Да
орешки всё грызёт, А
орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной — И
приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу, У
Гвидона погощу».

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить Чудный
остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды; Этим
нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь. В
свете есть иное диво: Море
вздуется бурливо, Закипит,
подымет вой, Хлынет на
берег пустой, Разольётся в
шумном беге, И очутятся на
береге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор, С
ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,

А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тётке сел на левый глаз, И
ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави её, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел Через
море прилетел.

Князь у синя моря ходит, С
синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что
ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел Перенести
я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
— Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,

И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор, С
ними дядька Черномор.
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает? Не
тужи, душа моя,
Это чудо знаю я. Эти
витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошёл, забывши горе,
Сел на башню, и на море Стал
глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,

Расплескалось в шумном беге И
оставило на бреге Тридцать
три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами, И,
блистая сединами,
Дядька впереди идёт И
ко граду их ведёт.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит; Дядька
князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала И
наказом наказала Славный
город твой хранить И дозором
обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре, А
теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах

Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовёт их в гости, Их
и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте? И
куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и золотом, И
теперь нам вышел срок; А
лежит нам путь далёк, Мимо
острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа, По
морю по Окияну
К славному царю Салтану. Да
скажите ж: князь Гвидон
Шлёт-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились. К
морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.

Князь опять: душа-де просит... Так
и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего. Тут
он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал; Судно
на море догнал, Потихоньку
опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит Мимо
острова Буяна,
В царство славного Салтана, И
желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости. Царь
Салтан зовёт их в гости, И за
ними во дворец
Полетел наш удалец. Видит,
весь сияя в злате, Царь
Салтан сидит в палате На
престоле и в венце,
С грустной думой на лице. А
ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят — Четырьмя
все три глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа, Долго
ль ездили? куда? Ладно ль за
морем иль худо? И какое в
свете чудо?» Корабельщики в
ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо; В
свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идёт там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой, Хлынет
на берег пустой, Расплеснется в
скором беге — И останутся на
береге Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя, Все
красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор С
ними из моря выходит И
попарно их выводит, Чтобы
остров тот хранить И
дозором обходить —
И той стражи нет надежней,

Ни храбрее, ни прилежней. А
сидит там князь Гвидон; Он
прислал тебе поклон». Царь
Салтан дивится чуду.

«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу И
у князя погощу».

Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:

«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!

Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.

В свете есть такие ль дива?

Вот идет молва правдива: За
морем царевна есть,

Что не можно глаз отвести:

Днём свет божий затмевает,

Ночью землю освещает,

Месяц под косою блестит, А
во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выплывает, будто пава; А
как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.

Молвить можно справедливо,

Это диво, так уж диво».

Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится — А
царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей Старой
бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови, Да
дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел Через
море полетел.

Князь у синя моря ходит, С
синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что ж
ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:

Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».
— А кого же на примете
Ты имеешь? — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит, А
во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждёт ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица. Но
жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнёшь,
Да за пояс не заткнёшь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путём,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться, Что
пора ему жениться,
Что об этом обо всём

Передумал он путём;
Что готов душою страстной
За царвною прекрасной Он
пешком идти отсель Хоть за
тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася И
царвною обернулася: Месяц
под косою блестит,
А во лбу звезда горит; А
сама-то величава,
Выступает, будто пава; А
как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царвну обнимает, К
белой груди прижимает И
ведёт её скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,

Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья: Ты
детей благослови Жить в
совете и любви». Над
главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льёт и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался, На
царевне обвенчался; Стали
жить да поживать, Да
приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет И
кораблик подгоняет; Он
бежит себе в волнах На
раздутых парусах Мимо
острова крутого, Мимо
города большого; Пушки с
пристани палят, Кораблю
пристать велят. Пристают к
заставе гости.
Князь Гвидон зовёт их в гости, Он
их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте И
куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,

Торговали мы недаром
Неуказанным товаром; А
лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа, По
морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался, А
доселе не собрался — Шлю
ему я свой поклон». Гости в
путь, а князь Гвидон Дома на
сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит Мимо
острова Буяна
К царству славного Салтана, И
знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости. Царь
Салтан зовёт их в гости. Гости
видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят, Четырьмя
все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа, Долго
ль ездили? куда? Ладно ль за
морем, иль худо? И какое в
свете чудо?» Корабельщики в
ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо, В
свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами, С
теремами и садами;
Ель растёт перед дворцом, А
под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная, Да
чудесница какая!
Белка песенки поёт Да
орешки всё грызёт; А
орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там ещё другое диво:

Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге, И
очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор — С
ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней. А
у князя жёнка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блестит, А
во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон, Да
тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался, А
доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает И
как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет, И
в лазоревой дали Показались
корабли:
По равнинам Окияна Едет
флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная! Ты,
княгиня молодая!
Посмотрите вы туда: Едет
батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне Незнакомой
стороне.

Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили; К
морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой; В
город он повёл царя, Ничего
не говоря.

Все теперь идут в палаты: У
ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор, С
ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой: Там
под ёлкою высокой
Белка песенку поёт,
Золотой орех грызёт,
Изумрудец вынимает И
в мешечек опускает; И
засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо

Смотрят — что ж? княгиня — диво: Под
косой луна блестит,
А во лбу звезда горит; А
сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведёт.
Царь глядит — и узнаёт... В
нём выиграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нём занялся...
Царь слезами залился, Обнимает
он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И весёлый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,

Разбежались по углам; Их
нашли насилу там.
Тут во всём они признались,
Повинились, разрыдались; Царь
для радости такой Отпустил
всех трёх домой. День прошёл
— царя Салтана Уложили спать
вполпьяна.
Я там был; мёд, пиво пил — И
усы лишь обмочил.

1831

